

«Есть люди, которые любят фантазию и те, которые ее ненавидят. Те, которые ненавидят, однако прикидываются любящими кино, но вы только начните их спрашивать! Окажется, что они любят лишь документалистику, которая так же пленяет сердце, как и отчеты естествоиспытателей после экспедиции. Иногда эти зрители говорят, что не прочь увидеть что-нибудь действительно художественное, но и тогда оказывается, что их вкусы открыты историям реалистичным, выгодно расположенным географически, социологически, исторически.

Как бы случайно, подобные истории чаще всего отыг-

рываются актерами добротными, внушающими доверие, и тяжесть их извиняет обычную актерскую легкомысленность, которую усматривают зрители-реалисты в кинематографе. Никто никогда не критикует этих добрых толстяков — шоферов такси и клерков мэрии. Радетели реальности сосредоточивают всю свою критику на худых комедиантах с впавшими глазами и всклокоченными волосами. На актерах странных, которые внимание к самим себе выдают трагическим чревоуещанием, в противовес обкуренным толстякам, не утаивая ни своего страха, ни легкого дрожания в голосе. Это не укротители, но и не укрощенные. Какой соблазн, принося себя ежедневно в жертву коврику под кроватью, воображать себя львом, вцепившимся в волосы сомнамбулическому актеру...

Здесь я явил портрет Жан-Пьера Лео и объяснил, почему он не нравится всему свету и почему так сильно нравится тем, кому нравится. Жан-Пьер Лео — актер антидокументальный, даже, когда он говорит «здравствуй», мы с головой погружаемся в художественность, если не сказать в научную художественность.

...Галлюцинация — слово освобожденное для Жан-Пьера Лео. Истинный сын Гупи Тонкина, секрет которого в правдивости и достоверности, но его реализм — реализм мечты».

Франсуа ТРЮФФО, 1984.

Жан-Пьер Лео, впервые приехавший в Россию, в один из фестивальных дней слонялся, казалось, совершенно бесцельно и одиноко, по коридорам Киноцентра. Кто-то ждал Занусси. Кто-то Ванду. Кто-то безнадежно Катрин Денев. Кто-то Овчарова. И почему-то никому не было дело до французского комедианта в меру грустного и не в меру сосредоточенного. А между тем это был любимый актер Франсуа Трюффо. И только что в киноконцертном зале «Россия» показали один из знаменитых фильмов «новой волны» — «Две англичанки и Континент» (1971). И в коридорах XVIII МКФ Жан-Пьера Лео называли alter ego Франсуа Трюффо.

Не надеемся, что после этого интервью в «ЭС» кому-то вдруг станет вполне ясно, что же это за люди, мажорные одним миром, — Трюффо и Лео. Напротив, мы, кажется, нагнали еще большего тумана. Впрочем, полная ясность — вообще понятие не из самых простых. И к тому же — всегда относительное.

— Вас называют alter ego Франсуа Трюффо, чуть ли не двойником мастера, его отражением в зеркале. Еще говорят, что Жан-Пьер Лео — очень странный человек. Не совсем, наверное, удобно вот так в лоб задавать подобные вопросы, и все же...

— Alter ego. Зеркало. Ну это такое красивое и такое холодное определение. Я не знаю, рад я ему или не рад. Гораздо теплее другой пример: во времена, когда я был совсем маленьким, на Монмартре и в Булонском лесу работали такие... «вырезальщики». Их, правда, называли художниками. Они сажали напротив себя вас, вашу маму, вашего папу и вашу собаку, брали в руки кусок черной бумаги и в две секунды ножницами кромсали этот клочок, придавая ему сходство с профилями членов вашей семьи. Эдакий семейный портрет в профиль. Вы, наверное, видели такое?

— У Милоша Формана в «Регтайме».

— У Формана. Точно так. Вот Трюффо однажды «вырезал» мой профиль из куска бумаги. Может быть, конечно, она была не черная, а цветная, но во всяком случае огромная, такая огромная, что я смог спрятаться в нее целиком с душой, с потрохами, с менталитетом и характером

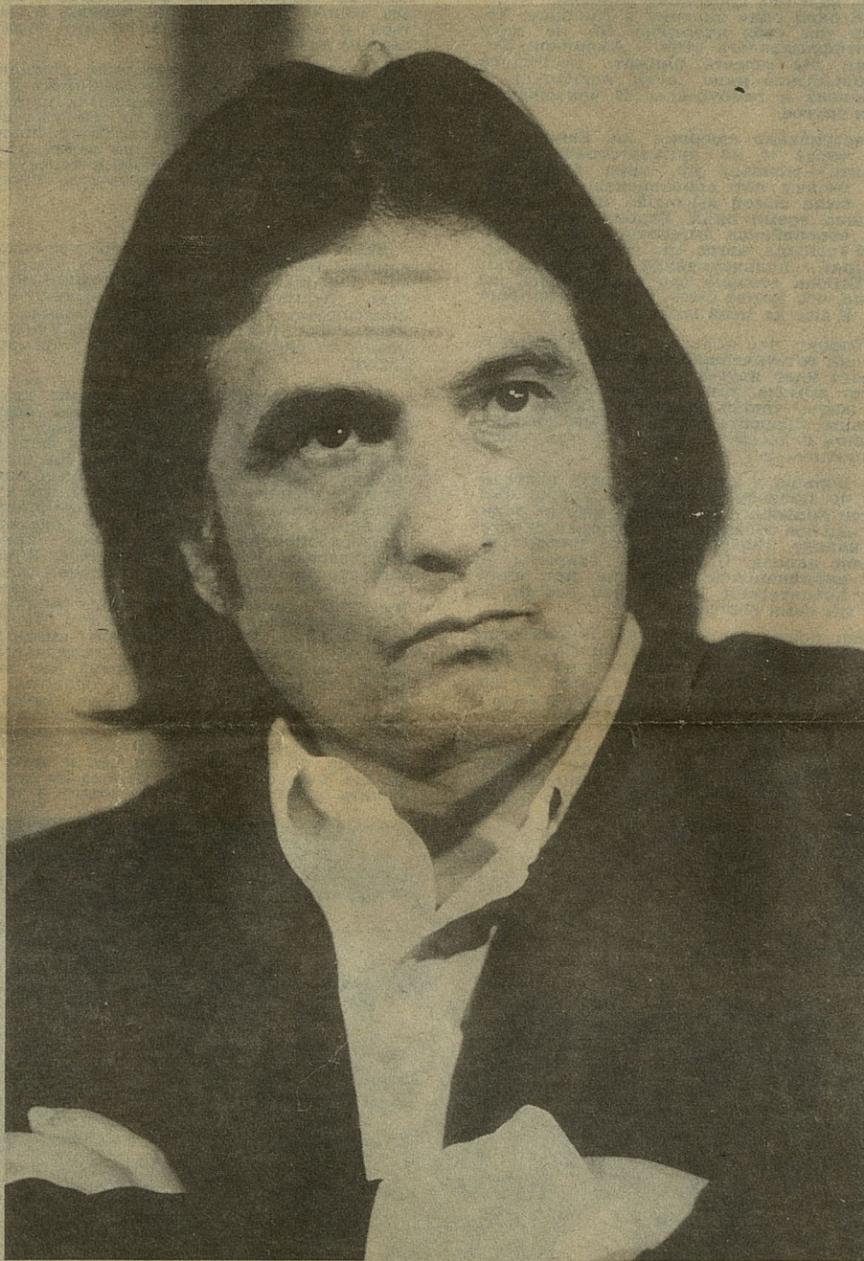
Кажется, в русских сказках есть такой мотив: сердце человека спрятано в яйцо, яйцо в ларец, ларец на дереве, дерево на острове. Остров в океане. Остров в океане — это Франсуа Трюффо. А мое сердце в том самом яйце.

— Позвольте вас поправить: я не знаю, как звучат русские сказки во французском переводе, но в русских сказках в яйце оказывается не сердце, а игла, а на конце иглы — смерть... некого Кошечья Бессмертного.

— Да (хохочет). Ну и отлично. Пусть я буду бессмертным. Все же приятнее рассказывать сказки, чем отвечать на вопрос, что я больше всего предпочитаю на завтрак и кто мой любимый актер.

— Ну, второе очень даже интересно. Для меня мир Франсуа Трюффо — особая материя. Мне интересно, каких актеров могут любить люди из мира Трюффо?

— Я люблю только тех, с которыми работал у него. Их не так уж мало: Депардьё, Денев, Моро, Арда.

ЖАН-ПЬЕР ЛЕО — рыцарь печального образа ФРАНСУА ТРЮФФО

— У вас не так много было поклонников среди публики?

— Не знаю. Я не люблю давать автографы, а как еще можно узнать, любит тебя публика или нет?

Вы спросили, странный ли я? Я был одним из самых странных актеров «новой волны». Если бы я не встретил Трюффо, то, вероятно, никогда бы не пришел в кино. В основе «нулевой ваг» лежала обязательная реальность. Тотальная, космическая, боявшаяся на мизинец погрешить против правды. Никакой мистики, ни в коем случае фантазии — только то, что имеет право быть на самом деле. И уже из этого правдивого материала должны были складываться самые разные, не-

предсказуемые ситуации. Я же отрицал реальность всеми фибрами души и плоти. Я искал в ней подводные течения и подземные пласты, я готов был скомкать реальность вокруг себя как клочок старой газеты и поднести к нему спичку Пламя, охватывающее его, было бы для меня реальностью, куда большей. Я боялся мистики, чувствуя в ней сверхъестественные силы, существующие по своим законам, и я пленялся ей как полоумный. Трюффо заметил мою странность с первого взгляда. Я снимался тогда в «400 ударах». Кстати, это был первый и последний раз, когда Трюффо разрешал мне все. Я вытворял то, что придет в голову. Больше никогда в жизни он

не разрешал мне делать того, что хотел я.

— Сколько лет вам было во время съемок «400 ударов»?

— Кажется, четырнадцать. Так вот был в фильме такой эпизод, когда мне нужно было замереть перед камерой на несколько секунд. Я замер. Пленка крутилась. Франсуа стоял напротив меня и всматривался в мое лицо каким-то странным и долгим взглядом. Потом сказал: «Дайте этому ребенку в руки что-нибудь. Игрушку, кошку. Что-нибудь. У него странный детский взгляд».

— Вы так и остались для него мальчиком со странным взглядом?

— Наверное. Наш альянс был странным компромиссом. Трюффо творил свою педантичную кинематографическую реальность, вплетая в ее ткань мою странную мистическую сущность. Он называл меня галлюцинацией и отказывался признавать, что создал меня сам, вытащив из пучины моих странных страхов и детских иллюзий. Он очистил мою «странность» от скверны и грязи, которой предостаточно в голове подростка и которая толкает его самое меньшее на ночные самоудовлетворения. Он сделал меня «светлым мистиком».

— Вы также работали с Жан Люком Годаром, с Бернардо Бертолуччи. Самые эстетские режиссерские фамилии не оставили в вашей душе такого следа, как Трюффо?

— След оставили. Не оставили шрама. Шрам — это что-то болезненное и непереносимое. Я ладил со всеми режиссерами, снимавшими меня. Я был нормальным или даже хорошим актером Бертолуччи, актером Годара. Но я никогда не понимал их с полувзвуха, с полувздоха, с полувзгляда. Иногда мне хотелось плакать перед камерой, потому что я знал точно, каким я должен быть в этой сцене. Вернее, каким бы меня сделал Трюффо. Максимализм преданности. Я так и не сумел преодолеть его. И все время, возвращаясь с чужой... видите, я говорю чужой... съемочной площадки, я чувствовал на себе бремя Блудного сына на пути к отчужденному дому.

— Вы были самым близким человеком Трюффо?

— Нет, с чего вы взяли. Скорее он был для меня таковым. Я нуждался в нем, как нуждается в инсулине больной диабетом. Я знаю, как он относился ко мне — с восторгом, не проходящим десятилетиями. Любил ли он меня? Он любил все подряд: женщин, живопись, животных. Не знаю, кто был ему ближе всех. Иногда мне казалось, что он и не задумывается над истинной сущностью его окружающих. Он просто вырезал из бумаги бесконечные профили.

— Каким же все-таки он был на самом деле — великий Франсуа Трюффо? Добрым, щедрым, веселым, меланхоличным, каким?

— Каким? Печальным. Я* сказал ему однажды: ты знаешь, кто ты? Он ответил: я великий режиссер. Я пожал плечами и поправил его: нет, ты печальный образ великого режиссера. Он даже не улыбнулся моим словам, и я понял, что попал в точку.

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

Фото Александра Шабельникова
и Владимира Хренова.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО